УДК 327(470:4)

*Лобанов К.Н.*

# «Балканы и Сербия в фокусе геополитических интересов мировых лидеров в новейшей истории»

*Lobanov K.N.*

# The Balkans and Serbia in focus of geopolitical interests of world leaders in the contemporary history

Балканский полуостров и находившиеся на нем государства были в центре повышенного внимания ведущих мировых держав на протяжении всего XX столетия. Не ослабевает это внимание к региону со стороны и в наши дни. Причиной тому является, прежде всего, уникальное геополитическое положение полуострова, дающее значительные экономические и политические преимущества тем державам, которые будут контролировать внутреннюю ситуацию на этих землях. Столкновение интересов крупнейших европейских государств и мировых лидеров за преобладание в Балканском регионе стало, есть и, возможно, будет в ближайшей перспективе одним из жестких и драматичных проявлений геополитического соперничества в новейшей истории мира и континента.

Ключевые слова: Балканский географический регион, Великие державы, геополитический и геоэкономический интерес, геополитическое соперничество, этно-национальная конфликтность, система международных отношений, многополюсный мировой порядок.

Современный миропорядок сегодня переживает очередной всплеск политической турбулентности. Этот скачок напряжения уже сравнивают с канунами глобальных потрясений прошлого века – Первой и Второй Мировых войн, «холодной» войны, тотальной нестабильности начала 90-х годов. Как и в предыдущих случаях, основной причиной нарастающего конфликта сторон выступают не разрешенные противоречия между основными акторами мировой политики, представленными сверхдержавами, региональными центрами влияния, интернациональными политическими и военно-политическими организациями.

Суть противоречий заключается в проблеме удержания лидерства/смены лидера на мировой арене. При этом речь не идет об обеспечении тривиального политического господства какого-либо субъекта на определенной территории, как это было вплоть до конца XIX столетия. Вопрос заключается в возможности существования или исчезновении целой системы международных отношений, которую олицетворяет и поддерживает один лидер, и которую пытаются изменить его оппоненты. В этой довольно жесткой борьбе, где причудливым образом переплетаются торгово-экономическая конкуренция, политические интересы, идеологические и социокультурные максимы, и, соответственно, ставки очень высоки, очевидный верх берет тенденция к использованию силовых способов преодоления антагонизма. Этот мейнстрим современного мирового политического развития отчетливо проявляется через обострение вооруженного противоборства в определенных

точках планеты и сказывается негативно на развитии всей ситуации. География этих конфликтных точек общеизвестна, так как политическая обстановка внутри и вокруг данных территорий перманентно была и остается нестабильной и малоуправляемой. Традиционно сюда относят регионы Магриба, Леванта, Большого Кавказа, Центральной Азии, Персидского залива. Градус политической кризисности на этих территориях нередко оказывался столь высоким, что был способен поставить человечество перед лицом мировых войн и международных военных конфликтов. В частности, речь идет о Балканах. Так почему же одни и те же земли выступают объектом столь пристального внимания со стороны мирового сообщества, а политическая ситуация вокруг них может влиять на устойчивость глобальной системы международных отношений? Думается, что прояснить этот вопрос поможет анализ ситуации с геополитической точки зрения.

Согласно классической геополитической традиции, далеко не все земные и морские пространства признаются субъектами мировой политики в качестве объекта их территориальных притязаний. Особенный интерес вызывают пространства, характеризующиеся высокой интенсивностью политических, экономических, торговых и культурных связей. Эти земли как бы фокусируют на себе всю совокупность проявлений социальной жизни больших географических регионов в силу либо выгодного месторасположения, либо ресурсного потенциала. Поэтому такие пространства и называются геополитическими регионами, а за преобладание влияния в них или контроль над ними ведется скрытое или явное соперничество между ведущими акторами мировой политики [1]. Балканы являются типичным геополитическим регионом. Здесь нет ярко выраженной ресурсной базы, как, например, в районе Персидского залива. Зато через полуостров в изобилии проходят так называемые геополитические линии – своеобразные структурообразующие факторы организации геополитического пространства (сухопутные, морские и воздушные коммуникации, наиболее важные направления грузопотоков и пути транспортировки сырья). Иными словами Балканы ценны своей уникальной географической локацией, открывающей кратчайший доступ к глубинным пространствам европейского континента и позволяющей так же быстро проникать в акваторию Средиземноморья и регион Передней Азии. Не случайно У. Черчилль называл Балканы «мягким подбрюшьем» Европы, подчеркивая, с одной стороны, исключительную значимость полуострова для экономической и политической географии континента, а, с другой, определенную уязвимость этих земель от экспансии извне.

На протяжении Нового и новейшего времени Великие державы стремились установить контроль над полуостровом и включить его территорию в сферу своего влияния. Столкновение противоположных интересов этих держав в регионе порождало острое геополитическое соперничество между ними. Наиболее сильные разногласия возникли при разделе османского наследия в конце XIX и начале XX столетий. Сербско-турецкая и русско-турецкая войны 1876–1878 гг., а также Балканские войны 1912–1913 гг. имели весьма противоречивые итоги. С одной стороны, балканские народы впервые за многие века получили возможность создать свою государственность, но, с другой стороны, молодые страны сразу же стали подвергаться прессингу со стороны ведущих европейских держав, имевших свои виды на эти освобожденные от иноземного ига пространства. В Западной Европе того времени динамично развивался капитализм, который требовал не только источников дешевого сырья и рынков сбыта готовой продукции, но и удобных и коротких путей перемещения основных факторов производства и обмена. Кроме того в условиях обострения хозяйственной конкуренции европейские государства-лидеры стали формировать соперничавшие друг с другом военно-политические блоки. Поэтому территории, интересовавшие эти страны в качестве объекта экспансии, стали оцениваться ими не только с торгово-экономических, но и геостратегических позиций. Грандиозные планы в первую очередь имелись у Британской империи, которая стремилась сохранить контроль над основной евразийской торговой артерией того времени, проходившей по

линии Суэц-Гибралтар. Вдоль этой коммуникации британцы усиленно создавали цепь военно-морских опорных пунктов на Кипре и Мальте, и Балканы должны были стать, по замыслам Лондона, очередным звеном в этой цепи. Германская империя была отсечена Англией от выгодных морских путей и усиленно искала альтернативные варианты удобных выходов к нефтеносным районам Ближнего Востока. Масштабным германским проектом стало строительство железной дороги Берлин-Багдад, причем достаточно большой отрезок полотна должен был проходить через территорию балканских государств. Немецкие монополии, вкладываясь в этот проект, требовали от кайзеровских властей принять меры к тому, чтобы обеспечить благоприятную политическую обстановку в тех странах, по которым будет проложена дорога. А это означало усиление дипломатического и военного присутствия Германии на огромной территории. Свой взгляд на балканские земли имелся у Италии. После победоносных войн с Турцией и обширных захватов в акватории Средиземного моря в начале XX столетия эта держава решила обратить свой взор на земли к востоку. В поле зрения итальянцев попали Далматинское побережье и Албания, которые еще со времен Римской империи они считали своими. Россия не претендовала на какие-либо территориальные захваты на Балканах, но и она была не прочь получить здесь торгово-экономические преференции и вытеснить из региона своих конкурентов. В качестве же главной стратегической цели своей «восточной» политики империя видела обеспечение полного контроля над проливами, обеспечивавшего России доминирование в кавказско-черноморском бассейне и на Балканах. Не отставала от своих европейских соседей Османская империя. После неудачных для турок Балканских войн правители этой страны не собирались так легко мириться с потерей благодатных христианских вилайетов, всегда бывших донорами для огромной паразитирующей державы. В целях поддержания своего влияния в регионе засевшие в Стамбуле «младотурки» не без основания надеялись использовать многочисленные мусульманские анклавы, образовавшиеся на юго-востоке Европы в процессе государственно-территориального размежевания. Вместе с тем самые большие аппетиты в регионе обнаруживала Австро-Венгрия. Дунайская монархия намеревалась поглотить Балканский полуостров целиком для того, чтобы через Адриатику обеспечить себе доступ к морским и океаническим коммуникациям. Первой из Великих держав Австро-Венгрия перешла от слов к делу в балканском вопросе. В 1908 г. она аннексировала «ничейную» Боснию и Герцеговину и нацелилась на Сербию. Это уже был прямой захват с угрозой последующего захвата новых территорий.

В условиях очевидной угрозы государственному суверенитету молодые балканские страны сами стали искать покровительства у тех или иных Великих держав. В результате Сербия, Черногория, Греция и Румыния начали ориентироваться на Антанту, а Болгария с Турцией примкнули к Тройственному союзу. Это обстоятельство еще туже затянуло узел противоречий в регионе, что в итоге привело к превращению Балкан в «пороховой погреб» Европы, а известное «сараевское покушение» ускорило развитие событий по силовому сценарию.

Важнейшим итогом Первой мировой войны были Версальско-Вашингтонские соглашения, которые подвергли ревизии границы в Европе и способствовали образованию новых государств. Для некоторых из них таким образом представился шанс укрепить свою державность и занять устойчивые позиции в своем географическом регионе. В случае успеха международная правосубъектность таких государств только бы возрастала, и они могли бы более успешно противостоять давлению со стороны внешних сил. Попыткой создать именно такой прецедент стало образование в 1918 г. Государства Словенцев, Хорватов и Сербов. Новая федерация во главе с Королевством Сербией обладала значительными интеграционными возможностями и вобрала в себя практически все югославянские земли – Хорватию, Славонию, Далмацию, Боснию и Герцеговину, Крайну. Позже страна стала именоваться Югославией [2]. Вместе с тем, стремление балканских государств проводить независимую внешнеполитическую линию неизменно встречало противодействие

со стороны Великих держав. Как и прежде, развитые страны Европы не рассматривали малые и средние государства континента в качестве самостоятельной политической силы и планировали их использовать в роли «пешек» в очередном раунде своей геополитической игры. Тех, кто был не согласен с этой участью – просто устраняли физически, как это было с сербским королем Александром I Карагеоргиевичем и болгарским царем Борисом III.

В итоге второй раз за новейшую историю Европы Балканы стали ареной геополитического соперничества различных внешних сил. Помимо своей воли все государства полуострова были втянуты во Вторую мировую войну, а многие из них подверглись агрессии. В частности, Югославия пала жертвой фашистской Италии, грезившей превратить бассейн Средиземного моря во внутреннее «Mare Nostrum» античных времен. Итальянцев сменили их нацистские союзники, установившие на Балканах свой «die neue Ordnung». В отличие от австро-немецкой оккупации периода Первой мировой войны гитлеровское нашествие в югославянские земли было более жестоким и изощренным. Немцы не только устроили чудовищный геноцид славян, сравнимый разве что только с турецкими погромами прошлого, но и старались натравить родственные народы друг на друга. На части бывшей Югославии они создали протекторат для хорватов-католиков и бросали последних на православных сербов и черногорцев. А чтобы между враждующими сторонами не возникло желания помириться, при поддержке нацистов формировались батальоны из боснийцев-мусульман, которые сражались против тех и других. В результате страну захлестнула яростная гражданская война, требовавшая не меньше сил, средств и человеческих жертв, чем борьба с интервентами [3]. Используя исторические параллели, можно отметить, что в годы фашистской оккупации на территории Югославии была опробована технология «управляемого хаоса», которая впоследствии не раз применялась Великими державами для обеспечения контроля над стратегически важным пространством. В основу этой технологии была положена классическая имперская доктрина «разделяй и властвуй», а роль катализатора тотальной «bellum omnium contra omnes» играли воинствующий национализм и ксенофобия, искусно разжигаемые извне.

Раздоры и подозрительность, заложенные под югославянское единство, оказались живучими и дали свои опасные всходы в будущем. Негативные тенденции удалось лишь приглушить на время благодаря более мощной нежели национализм коммунистической идеологии и исключительной харизме маршала И. Б. Тито. Послевоенное время стало настоящим ренессансом югославянской государственности. Была образована новая социалистическая федерация, основу которой составляли конституционные принципы равноправия и свободного развития всех субъектов. Эффективная модель экономического развития позволила быстро поднять народное хозяйство и вывести производственные комплексы и социальную сферу на путь устойчивого роста. Немаловажную роль в обеспечении благоприятных условий для внутреннего развития страны играла сбалансированная внешняя политика югославского руководства. Маршал Тито последовательно придерживался внеблокового статуса Югославии. Ему удавалось налаживать отношения со странами социалистического содружества и одновременно быть «своим» на Западе. Более того, дальновидный политик, Тито хорошо осознавал, что в условиях «холодной войны», когда новое столкновение между двумя антагонистическими лагерями является лишь вопросом времени, а многие государства вновь рискуют подобно зернышку попасть в жернова глобального противостояния, необходимо искать третий путь в мировой политике. В 1961 г. совместно с Индией и Египтом Югославия инициировала создание Движения неприсоединения – международной организации, объединившей 25 государств на принципах неучастия в военных блоках[4]. Проведение учредительной Белградской конференции и активное участие в работе организации подняли международный престиж Югославии и сделали ее одной из влиятельных политических сил на европейском континенте и в мире.

Впрочем, плодами своего благоденствия социалистической Югославии наслаждать-

ся долго не дали. С изменением биполярной картины мира для нее, как и других стран из Движения неприсоединения, наступили непростые времена. В условиях двухполюсности страны «третьего пути» могли умело лавировать между грандами мировой политики и даже извлекать немалую выгоду из их взаимных противоречий. Теперь же, когда миропорядок стал моноцентричным, люфт для маневра у внеблоковых государств резко сузился. Им не оставалось ничего другого, как уступать диктату и грубому геополитическому расчету единственной сверхдержавы и подконтрольным ей экономическим и военным блокам. Заявив претензию на мировое лидерство, Соединенные Штаты Америки молниеносно определили на карте мира зоны своих «жизненно важных национальных интересов». Как справедливо отмечали многие исследователи, эти пространства удивительным образом совпадали либо с месторождениями углеводородов, либо путями их наиболее удобного транзита напрямую в США или через Западную Европу. В этих ключевых точках американцы стремились обеспечить свое постоянное военное присутствие. Чтобы хоть как-то легитимизировать проникновение на чужие территории, США использовали известную технологию «управляемого хаоса» и последующие «гуманитарные интервенции». Первой жертвой нового американского миропорядка стал нефтеносный Ирак, далее последовали богатые этим же сырьем Тунис, Ливия, Сирия. Вместе с тем немаловажной для США оставалась проблема транспортировки нефти и газа в метрополию. Вот тут взор вашингтонских экономических и политических стратегов вновь упал на Балканы. Полуостров имел очень удобное расположение для транзита ближневосточных минеральных ресурсов на Запад. Об этом помнили еще со времен «нефтяных шоков» 1973 г., когда США лихорадочно занялись поиском путей для своих трубопроводов в обход неспокойной Палестины. Однако в те времена американским планам мешали советский сдерживающий фактор и сильная социалистическая югославянская федерация. В новых условиях Запад не стал церемониться с государственным суверенитетом попавших в поле его интересов стран, тем более проводивших независимый курс. Вначале была сметена Румыния – единственная из социалистических стран, «посмевшая» соскочить с финансовой иглы Запада и расплатившаяся со всеми иностранными кредиторами в конце 80-х годов. Итогом стала кровавая «народная революция» 1989 г. с последующей полной утерей страной экономической самостоятельности. По сравнению с Румынией социалистическая Югославия имела более значительный вес на мировой арене и обширную территорию, поэтому ее труднее было «проглотить». Путем нанесения ряда целенаправленных ударов по федеративной структуре государства Запад стал методично добиваться политической раздробленности союзной республики. Разжигая старинные националистические фобии и поддерживая местнический сепаратизм, западные правительства действовали прямолинейно и напористо. В 1991–1992 гг. они спровоцировали Словению и Хорватию на самопровозглашение независимости и тут же признали суверенитет новых государств. В 1995 г. путем навязывания Югославии так называемых Дейтонских соглашений международное сообщество вымучило независимость для Боснии и Герцеговины, которая получила в нагрузку к свободе очень проблематичную и взрывоопасную этно-политическую географию. В 2006 г. под обещание западной «манны небесной» из состава федерации вышла Черногория, а в 2008 г. – от тела Сербии был насильно отторгнут автономный край Косово. Распад Югославии сопровождался кровавыми гражданскими войнами, геноцидом, блокадами, экономическим хаосом, иностранными бомбежками и «гуманитарными интервенциями», что позволило говорить об особом «югославском» сценарии дезинтеграции федеративных сообществ в новейшую эпоху.

Завершив процесс дефрагментации Югославии, США незамедлительно приступили к экономическому освоению обширного пространства. Через территорию балканских государственных новообразований пролегли траектории будущих нефтяных и газовых трансконтинентальных магистралей. Наиболее крупными проектами Запада считаются Трансанатолийский (TANAP) и Трансадриатический (TAP) газопроводы,

образующие одну энергосистему для транзита топлива из Каспийского региона в Западную Европу. Другая газопроводная нить NABUCCO будет соединять Среднюю Азию с Европой также через Балканы. Оба проекта имеют для западных стран стратегическое значение и стоят очень дорого[5]. В целях обеспечения энергетической безопасности и своих прибылей США с западноевропейскими союзниками не позабыли разместить на территории Балкан военные базы под вывеской KFOR и без таковой, например, крупнейшую в Европе американскую опорную точку Camp Bondsteel в Косово с пятитысячным контингентом военнослужащих. Учитывая, что экономические интересы Запада в балканском регионе являются устойчивыми и долгосрочными, можно предположить с большой долей уверенности, что и военное присутствие натовских войск здесь окажется длительным. Но это также означает и то, что для пролонгации своего военного мандата Запад будет вызывать на Балканах перманентный этно-политический коллапс, создавать ситуацию «управляемого хаоса».

Некоторые аналитики склонны полагать, что большую заинтересованность в эскалации напряженности в регионе проявляют США, чем их западноевропейские союзники. Европейцы после Второй мировой войны с крайним опасением относились к любым конфликтам на континенте и с тревогой наблюдали как югославский пожар разгорался на пороге их собственного дома. Для Вашингтона напротив, балканская гражданская война – это лишний повод вмешаться в европейские дела, зафиксировать там свое присутствие и управлять ситуацией на месте. В условиях обострившейся геоэкономической конкуренции США должны были «присматривать» за своими ближайшими соперниками и при необходимости ограничивать торгово-экономический и финансовый рост других претендентов на мировое лидерство. Югославская война с ее последствиями стала таким сдерживающим фактором для Западной Европы. Достаточно вспомнить, что начало кризиса совпало с первыми решительными попытками европейцев создать собственный полюс влияния и силы в виде интеграционного сообщества. Появившийся на свет в 1991 г. в условиях, приближенных к военным, Европейский Союз оказался не полноценным. «Родовую травму» младенцу нанес Дядюшка Сэм, сумевший убедить европейцев в ненужности создания своих политических и военных инструментов при наличии имеющихся натовских структур для урегулирования конфликтов, подобных югославскому. В итоге ЕС вместо трех задуманных в Маастрихтском договоре «опор» (институциональной, экономико-валютной и военно-политической) сих пор имеет только две. Когда в 1996 г. европейцы объявили о намерении ввести в обращение единую валюту (тогда она называлась экю), США посчитали этот шаг не своевременным и приняли меры. В результате в Боснии и Герцеговине случился очередной спазм югославского противостояния, и этот европейский проект был сорван. Американцы еще раз попытались блокировать экономико-финансовые программы ЕС в 1999 г. путем искусственного раздувания косовской проблемы и втягивания своих союзников в войну против Югославии, но европейцы устояли и смогли добиться введения евро. Тогда США вновь стали создавать Европе помехи, подталкивая косоваров к провозглашению независимости от СРЮ. Дипломатическое признание суверенитета Косово со стороны США в 2008 г. привело к резкой эскалации напряженности в балканском регионе и заставило европейцев заняться обслуживанием американских интересов, отложив в «долгий ящик» свои политические замыслы, в том числе реформу институтов ЕС, Европейскую Конституцию, создание единых вооруженных сил. Таким образом Соединенные Штаты на протяжении последних десятилетий умело управляют югославским кризисом и используют его в сложной геополитической игре против интегрирующейся Европы, превращая весь балканский узел противоречий в свой масштабный антиевропейский проект [6].

Вместе с тем, безотносительно от того ведут ли США и Западная Европа в балканском регионе (равно как и в подобных ему регионах) свою игру сепаратно или совместно, преследуют ли они геоэкономические или геополитические цели, избирают ли для их реализации «мягкий» или жесткий инструментарий, ясно одно – при

нынешней системе международных отношений этим территориям уготована судьба только объектов мировой политики, роль средств и ресурсов для достижения чужих интересов. В условиях однополярности по-другому быть и не может. В свою очередь двухполюсный миропорядок также не гарантирует стабильности и длительного спокойствия государствам. События столетней и двадцатипятилетней давности наглядно подтверждают это суждение. Можно предположить с определенной долей уверенности, что значительно большие возможности для обретения государствами полноценной международной правосубъектности и, соответственно для гармонизации всей системы международных отношений, предоставляет многополюсная модель мироустройства. Такая конфигурация исключает односторонний диктат какого-либо субъекта на мировой арене, не предполагает «равновесия страха» эпохи биполярности, а действует по принципу оркестра, где у каждой группы инструментов есть своя партитура и определенный звуковой ряд [7]. В результате слияния звуков в унисон получается музыка. Однако музыка будет звучать, только если группы инструментов станут играть вместе, не захотят заглушать и подавлять друг друга, создавая какофонию. К такому более гармоничному и справедливому миропорядку призывают Россия, Китай, Индия, страны Южной и Латинской Америки, множество малых и средних государств на всех континентах. Для последних – это реальный и едва ли не единственный шанс перестать быть разменной монетой в геополитических играх Великих держав и возвысить свой голос на мировой арене.

**References**

1. Sirota N. M. Geopolitika. Kratkij kurs [Geopolitics. Short course], Sankt-Peterburg: Piter, 2006 , p.p. 12–13 . (In Russ.)

2. Pisarev Ju. A. Sozdanie Jugoslavskogo gosudarstva v 1918 g.: uroki istorii [The creation of the Yugoslav state in 1918: history lessons], Novaja i novejshaja istorija, 1992, № 1. (In Russ.)

3. Timofeev A. Ju. Russkij faktor. Vtoraja mirovaja vojna v Jugoslavii 1941–1945 [Russian factor. The Second World War in Yugoslavia, 1941–1945 ], Moskva: Veche, 2010. (In Russ.)

7. Cygankov P.A. Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij [Theory of International Relations], M.: Gardariki, 2003, p. 183. (In Russ.)

[1] Сирота Н. М. Геополитика. Краткий курс. – Санкт-Петербург: Питер, 2006 . – С. 12–13 .

[2] См. подробно: Писарев Ю. А. Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории// Новая и новейшая история. 1992. № 1.

[3] См. подробно: Тимофеев А. Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии 1941–1945 . – Москва: Вече, 2010.

[4] По состоянию на август 2012 г. организация Движения неприсоединения насчитывает 120 государств-членов.

[5] Проектная стоимость разработки месторождения «Шах-Дениз-2» с газопроводами TANAP и TAP составляет 40 млрд. €, а газопровода NABUCCO – 8 млрд. €.

[6] Попытки США разыграть очередную антиевропейскую карту отчетливо проявляются сегодня на Украине, где своей главной целью Вашингтон считает столкнуть друг с другом Россию и Европу и, таким образом, добиться ослабления геополитических позиций обоих конкурентов.

[7] Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2003. – С. 183.